

НЕУМЕСТНЫХ ЦВЕТОВ

стоятельство, что драматург начинал как поэт и в душе оставался поэтом. Я только перечислю фильмы по его сценариям: «Я вас любил», «Точка, точка, запятая...», «Это мы не проходили», «В моей смерти прошу винить Клаву К.». А можно еще вспомнить давний ажиотаж в двух московских театрах, где надо было спа-

сать его пьесу «Друг детства» от идиотских придирок, от министерских дам с каменными лицами сфинксов... А еще раньше — громадный успех «Димки-невидимки», написанного вместе с В. Коростылевым, в Центральном Детском и десятках ТЮЗов страны, а еще — «Поцелуй феи», в союзе с З. Гердтом, в сатире... Но

Львовский был еще и теоретик: его статьи в «Комсомолке» здорово помогли когда-то самостоятельной авторской песне, когда сам жанр еще нуждался в обосновании, в признании его легитимности. Помогая целым жанрам, он не обделял и конкретных людей — интересом, добротой, осердеченным критическим советом. Ему

обязаны в этом смысле и Аня Родионова, и Виктор Славкин, и Люся Петрушевская, и Оля Кучкина, и я, и даже многолетний его друг Александр Володин (хотя здесь Михаил Григорьевич протестующе замахал бы руками, если бы мог: «все наоборот: я сам — полжизни в володинской школе»).

75 лет — одному из самых надежных и порядочных людей в нашем искусстве. Известно, что при нем нельзя «хмичить» со шкалой ценностей,

с критериями правды и художественности, для него не все «относительно», он часто заступался за свои эстетические взгляды во всеоружии блистательной аргументации. Многим и за многое следует сказать Михаилу Львовскому спасибо. Речь идет о благодарности, подкрепленной в эти дни какой-нибудь посильной поддержкой не на словах.

Георгий ПОЛОНСКИЙ.

№ 29 (237), 28 июля — 4 августа 1994 года

5 страница

ЮБИЛЕЙ

Михаил Светлов рассказывал, как смущен он был и расстроган отношением к нему солдат на передовой: узнав, что перед ними — автор такой песни, как «Каховка», бойцы встревожились: у нас тут стреляют, знаете, надо вас в хороший блиндаж, на КП, подальше от случайности. Пуля-дура могла, по их понятиям, угодить в любого из них, но в сочинителя

всенародно любимых слов — не имела права!

А сегодня судьба стреляет по автору песни, столь же любимой поколением наших родителей — нет, несколькими поколениями! — «Вот солдаты идут по степи опаленной...»

В годы нашей «оттепели», по-мартовски коварной и студеной, мы благодарно влюбились в другую песенку того же пера: «На Тихорецкую состав отправится, // Вагончик тронется — перрон останется; // Сте- на кирпичная, часы вокзаль-

ные; // Платочки белые, глаза печальные...» Много ли песен не собственного сочинения пел Высоцкий, выступая публично! Эту — пел. Она казалась и была пусть не залогом, но туманным обещанием того неминуемого демократического Апреля, который пьянил тогда издали. Каждое словечко — вызов казенщине, опора одинокому сердцу вроде теплой руки на плече.

Обе эти песни (и сотни других!) сложил поэт и драматург Михаил Григорьевич Львов-

ВЗАМЕН

ский. В эти дни ему исполняется 75 лет. Я сказал: судьба стреляет в него, — имея в виду злую болезнь, неотвязную, беспросветную. «При артобстреле эта сторона улицы...» Львовский — там, и никто не переведет его на другую, безопасную сторону, и поздравления с юбилеем выговариваются плохо, и цветы двусмыс-

ленны, да и тумбочек в его палате почему-то нет; куда их, цветы!

Давайте просто вспомним свою благодарную зрительскую реакцию на его работы; их всегда отличали пристальное душевное зрение, ответственность перед Искусством и перед человеком в зале. Плюс еще одно: то полутайное об-

№ 29 (237), 28 июля — 4 августа 1994 года

4 страница

Львовский Михаил Григорьевич

28.7.94